

Зимой в уезде Цзю темнело рано, да и ветер по ночам здесь обычно гулял нешуточный.

Стоило сумеркам сгуститься, как людской поток на стихийном ночном рынке у берегов озера Цинпин стал быстро иссякать. На побережье остались лишь редкие торговцы, вынужденные стеречь свой нехитрый скарб на прилавках, да лавочники под наспех сколоченными навесами. Они то и дело приподнимали плотные соломенные циновки, спасавшие от ледяных порывов ветра, и всматривались в темную озерную гладь.

Когда начался Праздник прогулочных лодок, сумерки уже полностью окутали озеро. К тому моменту, как настала пора выступать Чуян, час Сюй близился к концу — наступал десятый час вечера.

Сы Вэй плыл на утлом челноке, старательно огибая дрожащие на воде отражения праздничных фонарей. Он держал путь к большой двухмачтовой лодке, которую подготовили еще с самого утра. На корме стоял крепкий служитель борделя из Башни Весенней реки, одетый в грубый холщовый халат. Налегая всем телом на длинный бамбуковый шест, он с каждым размеренным толчком посылал суденышко далеко вперед.

Сы Вэй опустил ладонь в воду. Он почувствовал, как пальцы мгновенно окоченели, а затем их пронзила острая, почти парализующая боль, будто от укуса ядовитой змеи.

Пятнадцатый день первого лунного месяца. Хотя весна формально и наступила, тепло еще не пришло. По ночам мороз крепчал, а тут еще по приказу Сы Вэя в озеро сбросили тонны колотого льда. Густой туман над водой они, конечно, получили, но если сейчас что-то пойдет не так и девчонки сорвутся в воду, спасти их вряд ли удастся — они просто замерзнут насмерть до того, как их вытащат.

Нос челнока с мягким глухим стуком ткнулся в борт громоздкого двухмачтового судна. Этот звук вырвал Сы Вэя из раздумий. Юноша горько усмехнулся.

Когда он только предложил этот план, то действительно не продумал все до мелочей, поддавшись погоне за безупречным зрелищем. Но это и впрямь был единственный способ добиться ошеломительного эффекта.

Теперь, когда отступить поздно, оставалось одно: проверять каждую мелочь снова и снова, проявлять предельную осторожность и сделать все возможное, чтобы свести опасность к минимуму.

Сы Вэй ухватился за протянутую руку служителя борделя, ждавшего его на палубе, и ловко перешагнул с качающегося челнока на борт большого судна.

Главным достоинством этих тяжелых лодок были их прочные, высокие мачты. В эпоху, когда не существовало подъемных кранов, только такие массивные корабли, устроенные по принципу неваляшки, могли удерживать равновесие при натяжении тросов и служить надежной опорой для подвесной системы.

Мачты двух кораблей Сы Вэй вместе с нанятыми плотниками заранее оборудовал надежными карабинами и блоками. Между ними натянули толстые канаты, пропитанные маслом для лучшего скольжения. С помощью этой нехитрой системы шкивов и простейшего рулевого механизма ему удалось воссоздать подобие страховочных тросов — той самой подвесной системы для полетов.

Когда Сы Вэй поднялся на палубу, плотники, нанятые Чуньян, вместе со служителями борделя, назначенными на узловые посты, уже заканчивали очередной осмотр снаряжения.

Один из мастеров, седобородый старик, как раз спускался на веревке с верхушки мачты. Он лихорадочно блестел глазами. Посмотрев на Сы Вэя с нескрываемым восхищением, он крикнул:

— Все проверил, господин! Блоки, зажимы, страховочные веревки — все целое, держит намертво! Прямо хоть быка вешай!

К ним торопливо подбежал запыхавшийся служитель борделя, утирая пот со лба:

— Господин Сы Вэй, все готово! Наши люди уже на местах, каждый у своего узла стоит. Если вдруг случится беда... мы тут же перехватим канаты и аккуратно спустим девчат на палубу!

Сы Вэй нахмурился. Сейчас ему было не до суеверий, но кликать беду перед самым началом не хотелось.

— Не болтай лишнего в такую ночь, — строго оборвал он его.

Служитель борделя испуганно закивал и легонько шлепнул себя по губам:

— Ох, виноват, язык мой — враг мой... Больше ни слова о плохом!

Сы Вэя мало заботила перемена в отношении этих служителей борделя. Еще когда он только начинал готовить совместное выступление для Сюэсу и двух других девушек, обитательницы Башни Весенней реки то и дело подсылали шпионов выведать хоть какие-то подробности. Замысел требовал огромной подготовки и рабочих рук, так что утаить подготовку полностью было попросту невозможно.

А уж когда в Здании Музыкальной мастерской провели первую закрытую репетицию и все увидели, какого невероятного эффекта удалось достичь, многие девицы тут же попытались

снискать расположение Сы Вэя, надеясь заполучить его помощь в будущем.

Со временем, да еще после нескольких недвусмысленных предупреждений со стороны Чуньяня, положение Сы Вэя в Башне Весенней реки заметно укрепилось. До влияния старших экономок и управляющих ему, конечно, было далеко, но перед простыми служителями борделя он теперь имел немалый вес.

— Началось! — негромко воскликнул стоявший рядом служитель борделя.

Сы Вэй резко обернулся. Роскошная резная ладья Башни Весенней реки медленно выплывала на середину озера.

Над темной водой поплыл чистый, парящий звук яшмового гонга, сменившийся щемящим плачем двухструнного эрху. Вслед за ним зазвенели струны циня, ускоряя темп, и это резкое, тревожное созвучие мгновенно заставило сердца зрителей сжаться в предвкушении.

На темном балконе второго яруса ладьи внезапно вспыхнул сноп холодного белого огня, выхватив из темноты неподвижный силуэт.

Свет этого пламени, пробиваясь сквозь полупрозрачный шелк ширм, падал на сцену сзади, очерчивая фигуру Чуян ярким сияющим контуром.

Послышался тихий хрустальный звон. На фоне яркого свечения девушка плавно прогнулась в талии. В такт ее движениям запели крошечные бубенцы на лифе, им вторил тонкий перезвон серебряных браслетов на запястьях. Тонкие, алебастрово-белые босые ступни мягко ступали по пестрому, расшитому ковру, и каждый шаг отзывался чистой мелодией ажурных колокольчиков на ее лодыжках.

Но сквозь этот чистый звон пробивался иной, мрачный и завораживающий гул. То был низкий, многоголосый рокот множества инструментов, сливавшийся в единый тяжелый ритм — словно в древнем, величественном храме монахи, перебирая четки, затягивали священные сутры.

Сияние за спиной Чуян разгоралось все ярче, разгоняя ночную тьму и прорезая клубы озерного тумана. Теперь зрители могли отчетливо разглядеть ее лицо.

В центре ее лба красовался узор — бронзовый ромб с причудливой вязью внутри. Издалека казалось, будто у нее открылось третье око. Стрелки у внешних уголков глаз были выведены далеко к вискам, ресницы густо накрашены, а само лицо покрывал бледный, матовый грим, создавая пугающий и одновременно пленительный образ.

И самым странным в этом облике были губы — накрашенные темной, почти черной помадой с лиловым отливом.

Музыка нарастала, сменяясь тихим, вкрадчивым шепотом. У ног Чуян поползли струйки черного дыма, извиваясь, словно потревоженные змеи. Дым медленно окутывал ее фигуру, смешивался с холодным белым светом софитов и влажным озерным туманом, а затем плавно растворялся в воздухе.

Окруженная этой мистической дымкой, Чуян едва заметно улыбнулась. Ее тонкие руки взмыли вверх, изящные пальцы сплелись в затейливой мудре, рождая причудливые тени в лучах света.

Девушка смотрела с истомой. Под монотонный, гипнотический шепот она медленно опустилась на колени, изгибая стан с невероятной, почти змеиной грацией. Каждое движение ее гибкого тела лишало зрителей воли, приковывая взоры к этому демоническому танцу.

То был древний «Танец Небесного Демона», описание которого Сы Вэй некогда встречал в исторических хрониках своей прошлой жизни. Именно так, согласно преданиям, дочери повелителя демонов Мары искушали Будду перед его просветлением.

В священной сутре «Самьюкта Агама» скорбящая дочь Мары говорила: «Он отрекся от земных страстей, и пламенем вождения его не искусить. Он покинул пределы нашего царства, оттого и печаль моя безмерна».

Но обычные смертные редко восхищаются бесстрастным Буддой, устоявшим перед соблазнами. Куда милее их сердцам образ прекрасной искусительницы, дерзнувшей погубить святого. Она — та, о ком слагают легенды, и чьих объятий жаждет каждый.

Когда танец стал близиться к концу, засуетились не только плотники и служители борделя на корабле Сы Вэя. На многочисленных прогулочных судах и больших многопалубных кораблях, соединенных между собой плавучими мостками, поднялась нешуточная суматоха. Служанки то и дело сновали туда-сюда с записками.

Во время Праздника прогулочных лодок выступающие артистки не принимали гостей. Любой желающий выразить свое почтение или договориться о встрече должен был ждать окончания празднества и слать весточки через слуг, щедро осыпая их серебром в надежде получить благосклонный ответ.

Если куртизанка достигала подобных высот, ее будущее было обеспечено. За исключением тех случаев, когда молодость увядала, как у бедной Цзиньли, отныне не гости выбирали ее, а она сама милостиво решала, кого удостоить своего внимания.

Проснуться знаменитой, когда весь мир лежит у твоих ног, — сейчас это происходило наяву.

Сы Вэй стоял у самого края палубы, не сводя глаз со сцены. Чуян кружилась в безумном вихре танца, и вокруг нее, словно из ниоткуда, стали осыпаться на ковер десятки пестрых бабочек. У юноши перехватило дыхание.

Эти бумажные бабочки, скрытые до поры в широких рукавах Чуян, служили условным знаком. Танец подходил к финальному аккорду.

Для завершения выступления ей требовалось закрепить последний элемент — трос, который увлечет ее ввысь, создавая иллюзию полета небожительницы.

В глухой тени за сценой притаился служитель борделя, одетый во все черное. Выждав момент, когда свет прожекторов слегка потускнел, он бесшумно метнул тонкую прочную веревку с металлическим кольцом на конце. Чуян должна была подхватить его в кружении, незаметно закрепить на скрытом под платьем поясе и приготовиться к взлету.

Сы Вэй сделал шаг вперед. Его пальцы судорожно вцепились в деревянные перила борта с такой силой, что костяшки побелели.

«Сейчас...»

<http://bllate.org/book/18280/1784900>